

ходя по пустыни, и обрете жену, стояшу печалну и рече к ней: ты кто еси? Она же рече: аз есмь истина. И рече ей человек: которая ради вины оставлеша град и в пустыни живеша? Она же рече: в пръвая лета в малых бе лжа, ныне же во всех человецех, яко злое житие лукаво будеть в человецех, егда лучши истины будеть».⁴⁸

В дополнение ко всему сказанному можно отметить и некоторые другие особенности литературных произведений Максима Грека, которые свидетельствуют о его зависимости от Савонаролы. Так, например, подобно флорентийскому проповеднику, он обильно пользуется цитатами и примерами из Ветхого завета, часто прибегает к угрозам о неизбежности жестоких наказаний за те или иные пороки и незаконную жизнь и при решении целого ряда полемических вопросов применяет ту же аргументацию, что и Савонарола.

Но поскольку эти особенности литературного творчества того и другого писателя касаются больше внутреннего содержания, нежели внешнего литературного оформления произведений и, следовательно, относятся в большей степени к вопросу о влияниях идеологического характера, то здесь мы не будем на них останавливаться, так как последний вопрос должен быть предметом специального исследования.

⁴⁸ ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 353. В литературной обработке отрывок приведен у В. С. Иконникова (Преподобный Максим Грек, стр. 426). Та часть Воскресенской летописи, в которой помещен аллегорический отрывок, приведена по Алатырскому списку, составленному в конце XVI или в начале XVII в. Поэтому возможность заимствования Максимом Греком при составлении «Слова» в конце 30-х годов XVI в. аллегорического образа печальной жены из летописного сказания исключается.